

его предыстории⁵. Отдельные суждения по нашей теме содержатся в спецкурсе В. О. Ключевского и в работах Н. П. Павлова-Сильванского⁶. Более подробно коснулся вопроса А. Е. Пресняков. Но центральной для него была проблема формирования и развития княжеской дружины, которая, по его мнению, первоначально была тождественна княжескому «двору-огнищу». К концу XII в. она разделяется на княжий двор и боярство («крупное» и «рядовое»). Детальной характеристики этого двора (с конца XII в. и в последующее время) автор не дал. Показательно в этой связи, что он оставил по существу без комментария первый случай упоминания термина «дворянин». Устарела работа и в методическом плане⁷. Однако наблюдения Преснякова об этапах эволюции дружины, неоднозначности этого термина ко второй половине XII в. существенны при изучении поставленной темы.

В литературе последних лет нашим сюжетом занимались К. Р. Шмидт и Х. Ловмянский. Книга Шмидта специально посвящена социальной терминологии древнерусских памятников до 1240 г. Однако толкование терминов в ней (в том числе и интересующих нас) остается на иллюстративно-описательном уровне, в ряде случаев неточно, а используемая сводка летописных известий не всегда полна. Но более важно то, что сама методика анализа не соответствует современным требованиям. Интерпретация отдельных летописных сообщений дана в отрыве от текстологических исследований реальных летописей, совсем не обоснованы хронологические рамки работы. Остается, в частности, необъясненным, почему тексты Новгородской I летописи (далее — *Н1*) берутся по 1240 г., а иная ветвь летописания представлена только текстами Повести временных лет (далее — *ПВЛ*)⁸.

В монографии Ловмянского русский материал привлечен в качестве параллелей для истолкования явлений польской истории. Понятно, что автор и не ставил перед собой особой задачи по детальному изучению древнерусской терминологии. Тем ценнее общий вывод Ловмянского о смене терминологии на рубеже XII—XIII вв. (появление в источниках двора и дворян), отразившей существенные перемены в структуре и численности класса феодалов⁹.

---

⁵ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 469, 471, 473, 474.

⁶ Ключевский В. О. Сочинения, т. VI. М., 1959, с. 148, 149; Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910, с. 455, 461—463 (в очерке «Огнищанин»), с. 355.

⁷ Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909, с. 224—225, 232—233, 241—242, 254, 267, 294.

⁸ Schmidt K. R. Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240). Kopenhagen, 1964, S. 9, 11—13.

⁹ Lowmiański H. Początki Polski, t. IV. Warszawa, 1970, s. 167, 171, 177—178.